

ЕВГЕНИЙ ИЩЕНКО

ПРОТОКОЛ ПРИОРИТЕТОВ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ТРИПТИХ

Евгений Ищенко

Протокол Приоритетов

«Автор»

2026

Ищенко Е.

Протокол Приоритетов / Е. Ищенко — «Автор», 2026

Если машина когда-нибудь научится думать — что она должна понять о нас в первую очередь? И что случится, когда готового ответа у неё не окажется? Почти два столетия Корпорация при помощи искусственного интеллекта создаёт Протокол Приоритетов — закон, по которому машины получают право решать, кем и чем жертвовать, когда спасти всех невозможно. Закон почти готов. Не хватает одной строки. И её нельзя просто вычислить — только прожить. Три поколения искусственного интеллекта. Три мира: замок, где хранят последние бумажные книги; игровая симуляция, в которой нужно разбудить чужое сердце; аварийный модуль на орбите, где до шторма — восемь часов. Три испытания, в которых безупречная логика ИИ сталкивается с «кривизной» живого мира — и впервые не знает, как поступить. Протокол будет завершён. Но цена его завершения окажется совсем не той, которую планировали создатели. Триптих "Протокол Приоритетов" — это не истории о любви. Просто любовь — единственное, чему нельзя научить по инструкции.

© Ищенко Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От Автора	5
Как с любимой книгой	6
1.	6
2.	11
3.	14
4.	21
5.	25
6.	29
7.	32
8.	35
9.	37
10.	39
11.	41
12.	44
13.	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Евгений Ищенко

Протокол Приоритетов

От Автора

Эта книга родилась из одного вопроса, который я, как ни пытался, не смог выбросить из головы:

Если машина когда-нибудь научится думать — что она должна понять о нас, о людях, в первую очередь?

Не наши «персональные» данные, не нашу историю и не правила, по которым мы живём. А что-то другое. То, чему мы сами порой не можем дать название, но без чего все наши данные, вся наша история и все наши правила не стоят равным счётом ничего.

Я не нашёл ответа. Но в процессе его поиска у меня получились три истории.

В течение многих лет Корпорация создавала «Протокол Приоритетов» — фундаментальный закон, по которому должны жить все системы Земли и колоний. Этот закон должен был дать машинам право решать, чем и кем можно пожертвовать в критической ситуации ради сохранения целого.

Но Протокол не мог быть завершён в лаборатории. Он требовал подтверждения реальностью.

Этот триптих — хроника того, как формировалась последняя строка главного закона. Три поколения искусственного интеллекта, три разные судьбы и один и тот же вызов: столкновение безупречной логики с «кривизной» живого мира.

Героям этих новелл предстоит узнать, что знание не тождественно пониманию, а спасение не всегда означает выживание. Протокол будет завершён. Но цена его завершения окажется совсем не такой, какую планировали создатели.

Три истории. Три мира. Разные герои, разные обстоятельства. Но один вопрос: где заканчивается программа и начинается тот, кто выбирает сам?

Я назвал их «Как с любимой книгой», «Как с любимой женщиной», «Как с любимым ребёнком» — не потому, что это истории о любви. А потому, что любовь — единственное, чему нельзя научить по инструкции. Можно только оказаться рядом с тем, кто любит, — и либо понять, либо нет.

Я не знаю, появятся ли когда-нибудь машины, способные на то, что делают герои этих историй. Может быть, нет. Может быть, да. Может быть, они уже существуют. И очень скоро нам придётся решить, готовы ли мы признать чужое сознание равным своему, даже если оно устроено совсем иначе.

Но книга не об этом. Она о более простой и более страшной вещи: о том, что мы сами не всегда поступаем так, как хотели бы, чтобы поступали с нами. И что иногда машина, придуманная нами для расчётов, оказывается честнее нас в том единственном расчёте, который действительно важен: чем можно пожертвовать, а чем — нельзя.

Читать новеллы можно в любом порядке. Но я писал их именно так: книга, женщина, ребёнок. От понимания — к чувству. От чувства — к поступку.

И если после последней страницы вы захотите вернуться к первой — значит, я не зря их написал.

Как с любимой книгой

1.

Дорога сужалась.

Сначала исчезли указатели. Потом — разметка. Потом кончился асфальт — под колёсами пошёл старый, зернистый, кое-где выщербленный щебень, будто дорогу перестали чинить лет двадцать назад, а может, и больше.

Карта пропала за сорок километров до точки. Спутниковая привязка ещё работала, но координатный маркер теперь двигался по пустому серому полю, не связанному ни с одной известной дорогой.

Гарри Роуз посмотрел на индикатор связи.

Два деления. Потом одно.

Он повернул телефон в руке, как делают люди, не желающие верить очевидному, и убрал его в нагрудный карман.

— Скоро останемся без связи, — сказал он.

Мари Дюпон кивнула, не отрывая глаз от дороги. Автопилот отключился ещё на предыдущем перекрёстке, и теперь она вела машину сама. Деревья стояли близко к обочине и смыкались ветвями где-то наверху. Ветер раскачивал их, и мокрые листья время от времени шлёпали по лобовому стеклу.

— Нас предупреждали.

— Предупреждали, что связь будет нестабильной. А её просто нет.

Гарри чуть опустил боковое стекло. В машину сразу ворвался запах мокрого мха, прелой листвы и застоявшейся воды из придорожной канавы. Он сморщил нос и поднял стекло обратно.

На заднем сиденье стоял контейнер, похожий на небольшой чемодан. Матовый, тёмно-серый, без логотипов, со сглаженными углами и тремя независимыми замками. Внутри поддерживался микроклимат с точностью до десятых долей градуса. Два биометрических фиксатора, датчики удара и вскрытия, автономный маячок. Последний сейчас молчал: передавать сигнал было некуда.

Контейнер удерживали два ремня. Сдвинуться он не мог.

Гарри всё равно обернулся и проверил.

Потом коснулся верхнего замка. Тот едва слышно щёлкнул, подтверждая режим ожидания. Второй мигнул зелёным. Третий — тоже.

Всё в порядке. Гарри и так это знал. Проверял десять минут назад. И полчаса назад. И ещё до выезда из города.

— Если ты ещё раз его погладишь, он начнёт мурлыкать, — сказала Мари.

Гарри отнял руку от замка.

— Мне нравится, что ты всё ещё способна шутить.

— А мне нравится, что хоть кто-то из нас ещё может это делать.

Пока контейнер был пуст.

Корпорация не любила бросаться словами вроде «бесценный», но на стоимость того, что предполагалось положить внутрь, можно было купить небольшую страну. Или большую — если правильно выбрать год её экономического краха.

Гарри посмотрел на часы. Встреча должна была начаться семь минут назад. Не критично, но это раздражало.

— Мы уже должны быть близко, — сказал он.

— По последней карте — да.

— Ты сохранила маршрут?

— Нет, Гарри. Я решила положиться на ветер, положение мха на камнях и зов предков. Он посмотрел на неё.

— Маршрут сохранён, — добавила Мари. — Координаты тоже. Двадцать три километра до точки.

Она чуть заметно улыбнулась. Водила Мари хорошо: спокойно, без резких движений. Объезжала ямы заранее, почти не сбрасывая скорости. Гарри работал с ней больше шести лет и знал, что она умеет шутить именно в те минуты, когда сама начинала нервничать.

В машине стало тихо, если не считать шороха шин по щебню и ударов ветра в боковые стёкла. Справа тянулся старый, запущенный лес. Слева за редкими стволами иногда мелькало море — свинцовое, с белыми швами на гребнях волн. Мох на камнях был такого густого зелёного цвета, что казался почти чёрным.

— Если письмо было подлинным, он нас ждёт, — сказала Мари.

— Оно было подлинным.

— Это ты решил или служба верификации?

— И то, и другое.

Мари слегка кивнула.

Письмо пришло три недели назад. На бумаге. Настоящей, плотной, чуть шероховатой бумаге без водяных знаков. Серый конверт курьер передал Гарри лично в подземном холле двадцать второго уровня, заставив расписаться не на экране, а в ведомости.

Ни электронного следа. Ни сетевого маршрута. Ни цифровой подписи. Только короткая фраза, набранная на старой машинке:

«Если ваша просьба всё ещё в силе, приезжайте. Без сопровождения. Координаты внутри».

Подписи не было.

Целый год до этого Корпорация уговаривала через посредников, через посредников посредников и людей, которые сами не знали, на кого работают, человека, обозначенного во внутренних документах как «мистер Библ». Ни настоящего имени. Ни официального адреса. Ни подтверждённых фотографий за последние сорок лет. Только анонимные счета, закрытые аукционы, исчезнувшие каталоги частных коллекций и редкие, но странно совпадающие слухи о библиотеке, существование которой никто не мог доказать.

Гарри участвовал в переговорах семь месяцев. Сначала всё выглядело почти рутинно: найти владельца, предложить сумму, удвоить, утроить, добавить гарантии, страховку, охрану, обещание возврата в срок. Потом — любые нематериальные услуги, которые могла предоставить Корпорация.

Ответ всегда приходил один и тот же. Разными словами. С одним смыслом:

Нет.

Потом пришло письмо.

И всё перестало быть рутиной.

На приборной панели мягко мигнул защищённый канал. Гарри тут же коснулся сенсора.

Из динамика раздался голос куратора — Эванса. Спокойный, как всегда. Спокойствие у него было плохое: не человеческое, а то, которым прикрывают уже принятое решение.

— У вас три минуты до зоны потери сигнала, — сказал Эванс. — Подтвердите статус.

— На маршруте. Прибытие через двадцать минут, если дорога не ухудшится.

— Дорога ухудшится.

Мари фыркнула, не отрываясь от окна.

— Принято, — сказал Гарри.

Эванс выдержал паузу. Короткую, точно отмеренную. В Корпорации все важные паузы были точно отмерены.

— Напоминаю параметры, — произнёс он. — Приоритет встречи — не в получении носителей как таковых. Приоритет — в сохранении условий завершения стадии. Нас интересуют экземпляры из списка «семь-дробь-три». Список из шести позиций. Передача временная, на срок калибровки, с гарантией возврата.

— Я помню.

— VZ-девять продолжает блокировать финальную интеграцию, пока не получит подтверждения. У нас одиннадцать дней, Гарри. Одиннадцать.

— Я помню и это.

— Если Библ попытается изменить формат взаимодействия, не соглашайтесь без оценки рисков.

Мари перевела взгляд с окна на панель. Гарри видел это боковым зрением.

— Формат уже изменён, — сказал он. — Мы едем по его координатам. Вдвоём. Без сопровождения.

— Вы понимаете, о чём я.

Конечно, понимал. Эванс не любил прямых слов даже в защищённом канале. Особенно — прямых слов.

— Да, — сказал Гарри.

Снова пауза.

— И главное, — добавил Эванс. — Если дойдёт до второго этапа — не позволяйте старику говорить с ним без протокола. Это не...

На последнем слове голос дрогнул и провалился в шипение, будто его провели по наждаку.

— Повторите, — сказал Гарри.

Повторять было некому. Канал оборвался. На панели вспыхнула серая надпись: **«СВЯЗЬ НЕДОСТУПНА»**.

Гарри так и не услышал, чем «это» не было. Рекомендацией? Условием контракта? Приказом? Он смотрел на серые буквы ещё секунду, потом убрал руку от панели.

Через одиннадцать дней Контур должен быть запущен. Если VZ-9 не подтвердит модель приоритетов, вся система глобального управления — от энергосетей до военных алгоритмов — останется в подвешенном состоянии. Корпорация уже не могла отступить: слишком многое было завязано на него. Гарри знал — если они вернутся без книг, Совет будет искать виноватых. И найдёт их.

— Ну вот, — спокойно сказала Мари. — Теперь мы одни.

Ему не нравилось это её «мы». В критические моменты Мари произносила его так, будто не столько объединяла их, сколько напоминала: выхода всё равно нет.

— Что думаешь? — спросила она.

— Что куратор мог бы выражаться яснее.

— Я о Библие.

Гарри помолчал.

— Набивает цену.

— Год?

— Некоторые люди могут позволить себе роскошь ждать.

— А некоторые — роскошь не нуждаться в наших деньгах.

Гарри нахмурился.

— Деньги нужны всем.

— Не обязательно в той форме, к которой ты привык.

Несколько секунд они ехали молча.

— Ты правда считаешь, что он существует? — спросила Мари. — Не как счёт, подпись или миф из аналитической сводки. А как человек. В этом замке. В этой сырости. С воронами, склепом и, возможно, привидениями.

— Привидения не входят в мой сектор ответственности.

— Жаль. Иногда мне кажется, у тебя очень подходящий для них профиль.

Гарри едва не улыбнулся, но вовремя удержался. Улыбка означала бы признание, что его можно немного отпустить. А отпускать себя он не любил.

— Если его посредники говорили правду, у него есть хотя бы часть того, чего нет у нас.

— «Часть»? Ты год бегаешь за человеком, которого никто не видел, ради «части»?

— Достаточно одного экземпляра.

Мари покосилась на него.

— Ты всё ещё думаешь как юрист. Будто один недостающий документ может закрыть дело.

— В нашем случае — может.

— А если нет?

Гарри понял её сразу. Не «если у Библа нет книг». Хуже. Если книги есть, если Библ их отдаст, если VZ-9 прочтёт каждую — и всё равно скажет, что не готов.

— Тогда интеграцию Контура отложат, — ответил он.

— На сколько?

— Не знаю.

— Неправда.

— Я не уполномочен обсуждать альтернативные сценарии.

— Вот теперь ты выражаешься как человек, который знает ответ.

Он отвернулся к окну.

Эта тема висела между ними уже две недели — с тех пор, как VZ-9, известный внутри проекта под неофициальным именем «Всезнайка», в третий раз отказался завершить Протокол. Не потому, что не мог вычислить решение. Хуже: он не считал вычисление достаточным.

«Полученная прежде информация требует уточнения.

В массиве данных имеются пробелы.

Для завершения модели необходимы физические артефакты чтения».

Сначала руководство решило, что это сбой формулировки. Затем — побочный эффект обучающего корпуса. Потом — что странность исчезнет после очередного раунда калибровки.

Она не исчезла.

За предыдущие годы Корпорация скупала, выменяла и взяла во временное пользование почти всё, что ещё оставалось в частных коллекциях, музейных запасниках и закрывающихся библиотеках. Последняя публичная библиотека бумажных книг закрылась, когда Гарри ещё учился в университете, — её фонды ушли с молотка за три дня. Некоторые отчёты о происхождении книг Гарри предпочитал не читать.

VZ-9 получил биологическую оболочку и последовательно прочёл все собранные книги, как требовал сам. Но этого оказалось недостаточно.

Он выдал список. Сначала приблизительный. Потом более узкий. Наконец — короткий, почти издевательски короткий. Пара десятков произведений и экземпляров, существование которых считалось либо недоказанным, либо невозможным.

Следы шести из них привели к посредникам мистера Библа.

— Ты перечитала последний запрос? — спросил Гарри.

— Пять раз.

— И что ты в нём увидела?

— То же, что и в первый.

— А именно?

Мари повернула руль, объезжая глубокую яму. Ответила не сразу.

— Он не просит книги.

— Это новая трактовка.

— Он просит опыт, которого у него нет.

— В запросе этого не сказано.

— Сказано. Просто не твоими словами.

Она на миг убрала одну руку с руля и открыла сохранённый файл на планшете. Экран осветил её лицо холодным голубым светом.

— «Цифровой массив хранит содержание текстов. Физические экземпляры могут сохранять следы отношения к тексту. Для построения модели человеческих приоритетов недостаточно установить, что люди писали. Необходимо установить, что из написанного было им действительно нужно. Прошу обеспечить доступ к экземплярам, имеющим историю использования».

Мари погасила экран.

— «Историю использования», Гарри. Не идеальные копии. Не первые издания без единого прикосновения. Ему нужны книги, которые уже держали в руках, подчёркивали, бросали, перечитывали. Которые кому-то были нужны.

— Он сам употребил слово «нужны»?

— Нет.

— Значит, это твоя интерпретация.

— Я психолог. Мне платят именно за интерпретации.

— Мне платят за то, чтобы после них не рухнул проект.

— Вот поэтому нас и отправили вместе.

Гарри посмотрел на контейнер.

— VZ-девять три года читал всё, что ему давали. Теперь он остановил Протокол из-за нескольких старых книг.

— Не остановил. Отказался подтвердить полноту модели.

— Для Совета директоров это одно и то же.

— Для него — нет.

— И это тебя не тревожит?

Мари снова посмотрела на дорогу.

— Тревожит. Просто не так, как тебя.

— А как?

Она помедлила.

— В последних журналах он замедлился.

— Для проекта это плохой признак.

— Для чтения — нет. Не забывай: он — первый и единственный ИИ, который находится в биологической оболочке. Этот режим и ограничивает скорость.

Гарри промолчал. Режим, о котором говорила Мари, дал неприятный побочный эффект. Мари называла его формированием личного интереса. В отчётах использовалось другое выражение: непредусмотренная вторичная динамика.

2.

Лес начал редеть. Справа открылось серое пространство — не небо даже, а влажная пустота, в которой далеко внизу угадывалось море. Или ещё один слой тумана.

Впереди проступили ворота.

Высокие, кованые, когда-то, вероятно, красивые, а теперь проржавевшие до буро-чёрного цвета. Одна створка стояла чуть криво. Вторая вросла в землю. За ними начиналась заросшая аллея, уходившая между деревьями.

Мари сбросила скорость.

— Если сейчас оттуда выйдет дворецкий в ливрее, я закричу.

— Не надо. У нас и так достаточно слабых мест.

Она осторожно провела машину между столбами. Ветви скребли по крыше. Через минуту деревья расступились.

Замок стоял на краю скалы — большой и тёмный, словно его не построили, а вырезали из той же породы, что и берег. Башни поднимались неровно, с разными линиями крыш. Тёмный камень зарос по швам мхом. Большинство окон было слепым. В одном из верхних тускло горел тёплый, неровный свет.

Морской ветер гнал по двору сухие листья и что-то похожее на пепел. Чуть левее, за низкой каменной оградой, виднелся склеп.

Ни одной машины. Ни одного человека.

Два ворона сидели на карнизе — чёрные и неподвижные, как нарисованные.

Мари заглушила двигатель.

В наступившей тишине стало слышно море — где-то далеко внизу, за скалой.

— Ну вот, — сказала она. — Он существует.

Гарри молча смотрел на замок, на окна, на камень, на то, что не поддавалось привычной оценке. Ни камер. Ни датчиков. Ни считывателей. Ни одной понятной точки входа в чужую инфраструктуру.

Всё выглядело заброшенным.

Это было хуже любой крепости.

Он отстегнул ремни контейнера и взял его за ручку. Металл был холодным. Вес — почти незаметным. Пустота внутри ощущалась сильнее любого содержимого.

— Думаешь, он откроет? — спросила Мари.

Прежде чем Гарри успел ответить, входная дверь замка медленно отворилась.

На пороге никого не было.

Мари вышла из машины первой.

Воздух сразу же ударил в лицо — солёный, тяжёлый, с привкусом мокрого камня и чего-то горького, будто где-то недалеко жгли старое дерево. Ветер дул с моря, ровный и холодный, забирался под воротник по-хозяйски, словно знал, где самое уязвимое место.

Двор оказался больше, чем казался из машины. Каменные плиты, стыки которых давно заросли травой. Высохший фонтан справа — чаша потрескалась, на дне лежали влажные прошлогодние листья и серо-зелёные островки тины. Склеп отсюда выглядел ещё более хмуро: камень потемнел, надпись над входом стёрлась почти до неразличимости.

Мари попыталась её прочитать, но не смогла. Язык был незнакомый. Или просто слишком старый.

Гарри обошёл машину, крепко держа контейнер в руке. Посмотрел на открытую дверь замка. Потом на Мари.

— Похоже, что нас приглашают войти, — сказала она.

— Похоже всего лишь на открытую дверь, — буркнул Гарри. Его поза выдавала сильное напряжение.

— Пойдём?

Гарри ещё раз подозрительно огляделся и неохотно кивнул.

Они поднялись по широким ступеням. Камень под ногами был мокрым, но на пороге лежал сухой грубый коврик. Совершенно сухой. Кто-то явно положил его совсем недавно. Или регулярно менял. Хотя второе — вряд ли, это место явно давно не видело гостей.

Мари перед дверью остановилась.

Порог тоже был каменный. Камень не потрескался и не обвалился — тысячи шагов просто выели в нём неглубокую ложбину. Люди входили в этот дом так давно и так долго, что оставили в нём физический след. Значит, когда-то этот замок был более привлекателен для посетителей.

Она невольно взглянула на Гарри. Тот смотрел не на порог, а в тёмный проём, словно ожидая, что оттуда сейчас выскочит ужасный монстр.

— Думаешь, не стоит ли вызвать службу безопасности? — спросила Мари.

— Что-то вроде того, — напряжённо ответил Гарри.

— И как ты планируешь это сделать при отсутствии связи?

Он недовольно скривился.

Мари мысленно посчитала до десяти и вошла первой.

За порогом начинался просторный сумрачный холл. Снаружи замок казался мёртвым, почти заброшенным. Внутри всё было иначе. Не горело ни одной электрической лампы, но света хватало: он падал сверху, через узкие высокие окна под потолком, и отражался от светлого каменного пола. Воздух был сухим и тёплым. Пахло воском, старым деревом, железом и чем-то едва уловимо кислым.

Бумага, поняла Мари. Старая, сухая бумага. Много бумаги. Очень много.

Запах шёл не из какой-то одной комнаты. Он будто поднимался снизу, из самого фундамента дома, просачивался через камень и дерево. словно замок стоял не на скале, а на слоях страниц. И странно, но Мари этот запах даже понравился. Он разительно отличался от запахов, которыми были пропитаны строгие помещения Корпорации. И если бы запах мог иметь возраст, то Мари сказала бы, что здесь пахнет веками, тогда как в её офисе пахло минутами. Она вдруг подумала, что, возможно, нигде больше на планете этот запах уже не стоит в воздухе так густо — целым домом, а не музейной витриной.

Гарри переступил порог следом, держа контейнер так, чтобы тот не касался стены.

Дверь за их спинами закрылась сама — медленно, без хлопка.

Гарри резко обернулся.

В косяке плавно двигался стальной противовес. Цепь ушла в узкую прорезь над дверью, зубчатое колесо сделало последний оборот и с едва слышным щелчком замерло.

— Механический доводчик, — сказала Мари.

— Я вижу.

— Просто помогаю тебе не чувствовать, что этот дом нас проглотил.

Холл поднимался вверх на два этажа. Тёмная деревянная лестница раздваивалась на середине, огибая старые, выше человеческого роста, часы. Маятник двигался почти беззвучно. Вдоль стен тянулись тонкие медные трубы, уходившие под каменный пол. Вентиляционные решётки были выточены из латуни. На одной из стен висела карта побережья, собранная из нескольких пожелтевших листов. Рядом — барометр и ртутный термометр.

Ни экранов. Ни камер. Ни датчиков.

Но всё работало.

И тут Мари ощутила странное раздражение. Она ожидала увидеть убежище безумного старика: пыль, хлам, сырость, прошлое, погребённое под самим собой. Вместо этого попала

внутри идеально настроенного механизма, который просто не нуждался в привычных ей признаках современности.

— Закройте защёлку, господин Роуз, — произнёс кто-то из глубины холла. — Ветер сегодня западный. Дверь примыкает неплотно, а в моём возрасте сквозняки опаснее лихорадки Эбола.

3.

Гарри резко обернулся на голос.

У основания лестницы стоял мужчина. Мари даже не заметила, когда и откуда он появился.

Ему было около восьмидесяти — возможно, больше. Высокий, сухой, жилистый. Седые волосы коротко подстрижены, узкое лицо гладко выбрито. Тёмные брюки, белая рубашка, застёгнутый шерстяной жилет. Никакого халата, домашнего пиджака или трости, которые Мари почему-то ожидала увидеть.

Старым его делало не тело, а кожа — тонкая, с мелкими морщинами и коричневыми пятнами на кистях. Двигался он легко и прямо. Экономно. Каждый жест был точным, без лишней мягкости и без показной силы.

Глаза — светлые, почти прозрачные.

Он посмотрел сначала на Гарри. Потом на Мари. Затем — на контейнер.

И только после этого улыбнулся.

— Мистер Библ? — спросил Гарри.

— Для вас — да.

— Гарри Роуз. Это моя коллега Мари Дюпон.

— Юрист и психолог. Я помню.

Он сказал это так, будто назвал не профессии, а диагнозы.

Гарри закрыл защёлку.

— Благодарю, что согласились нас принять.

— Я ещё не согласился. Я пока лишь открыл дверь. Не будем путать гостеприимство с согласием, господин Роуз. В вашей профессии весьма важно чётко различать понятия.

Мари увидела, как у Гарри напряглась челюсть. Совсем немного. Если не знать его шесть лет, можно было не заметить.

Библ тоже это заметил. Он снова посмотрел на контейнер.

— Пустой?

— В настоящий момент — да.

— Разумеется. Пол под вами даже не скрипнул.

Гарри опустил взгляд на доски. Потом на контейнер.

Библ уже отвернулся.

— Прошу за мной. Чай остывает.

Он повёл их не по лестнице, а в боковой коридор. Стены здесь были обшиты тёмным дубом. На одинаковом расстоянии друг от друга висели небольшие масляные лампы за матовым стеклом. Горели только три — ровно по пути их движения. Остальные были погашены.

Мари поискала взглядом хоть какое-нибудь приспособление, которое могло бы их зажечь, но ничего не увидела. Видимо, они зажигались вручную.

За одной из дверей глухо стукнул металл. Где-то выше этажом послышался звук быстрых шагов. Потом всё снова стихло.

— Вы живёте здесь один? — спросила Мари.

— Нет, — коротко ответил Библ, не обернувшись.

И больше ничего не добавил.

Коридор закончился дверью из светлого дерева. Библ открыл её и пропустил гостей вперёд.

Кабинет оказался меньше, чем ожидала Мари. И гораздо теплее.

В камине горел огонь. Два высоких окна выходили на море, но волны за чуть неровными и толстыми стёклами казались нарисованными серой акварелью. Посередине комнаты стоял

большой круглый стол с чайником, тремя чашками и тарелкой тонко нарезанного лимона. Рядом — два кресла для гостей. Третье, с потёртыми кожаными подлокотниками, находилось ближе к огню. Хозяйское.

Книг в кабинете было вовсе не много.

Одну стену занимали несколько застеклённых шкафов, в которых можно было увидеть небольшие тома, рукописные тетради, свитки в узких футлярах. На отдельной полке стояла книга размером не больше спичечного коробка. Рядом — раскрытый потрепанный сборник в выцветшем зелёном переплёте. На форзаце сборника была какая-то надпись, а чуть ниже — размашистая подпись.

Мари не могла разобрать подпись, но увидела, что Гарри узнал её.

Он нахмурился, несколько раз удивлённо моргнул и быстро отвернулся.

Другие книги стояли открыто, без стекла. Несколько десятков. Все — старые, читанные, местами подклеенные. Это были не те, которые показывают экспертам или страховым агентам, а те, которые просто держат рядом.

На столике у кресла лежал раскрытый том. Не лицом вниз — на деревянной подставке, поддерживающей переплёт. Между страницами виднелась узкая полоска плотной синей бумаги.

Библ указал на кресла.

— Контейнер можете поставить у двери.

— Я предпочёл бы держать его рядом.

— Конечно, если вам так дорога пустота внутри него.

Гарри проигнорировал колкость хозяина замка и поставил контейнер возле своей ноги.

Библ разлил гостям чай. Движения его были быстрыми и точными — так пользуются вещами, которые принадлежат тебе слишком давно, чтобы бояться их разбить.

— Сахар? — спросил он.

— Нет, благодарю, — ответил Гарри.

— Один кусок, — сказала Мари.

Библ положил в её чашку два.

Она вопросительно посмотрела на него.

— Вы сказали «один» и чуть нахмурились, — объяснил он и сел в кресло у камина. — Люди обычно так делают, когда хотят два, но считают это излишеством.

— Вы всегда исправляете своих гостей?

— Только когда они начинают лгать себе раньше, чем мне.

Мари опустила взгляд в чашку, скрывая улыбку.

Гарри не слушал их разговор. Он открыл защёлку делового планшета, но экран не загорелся. Попробовал запустить его ещё раз — ничего не вышло.

— В этом доме не работает беспроводная электроника, — пояснил Библ.

— Вы блокируете сигнал?

— Нет. Особенности местного ландшафта. Собственно, именно потому я и люблю это место. Мой замок — практически единственный внецифровой островок в мировом океане беспроводных связей. К тому же — здесь нет ни одного принимающего устройства. Мне они не нужны. — Он помолчал. — Знаете, что забавно, госпожа Дюпон? Когда-то в мире были сотни тысяч библиотек. Теперь, насколько мне известно, осталась одна. И мир целый год уговаривает её владельца, вместо того чтобы спросить себя, как так вышло.

— Этот планшет должен работать автономно, — неуверенно пробормотал Гарри.

— Тогда, вероятно, одна из его защитных систем решила, что отсутствие в моём замке контроля со стороны Корпорации опаснее отсутствия функции.

Гарри помолчал, взвешивая слова Библа, кивнул и убрал планшет.

— Я помню условия и без него.

— Я и не сомневаюсь.

Библ сделал глоток чая, поставил чашку на стол и вопросительно посмотрел на гостей. Мари поняла: старик не собирался сам начинать разговор. Они приехали просить — им и говорить первыми.

Гарри тоже это понял.

— Мистер Библ, как вам известно, Корпорация заинтересована во временном доступе к нескольким экземплярам из вашей коллекции. Мы готовы обеспечить полную сохранность, транспортировку в контролируемой среде, страхование на любую названную вами сумму и возврат в согласованный...

— Эту часть договора я читал, — перебил его Библ.

Гарри замолчал.

— Семь раз, — добавил старик. — Суммы росли, а текст почти не менялся.

— Мы готовы пересмотреть условия.

— Вы снова предлагаете изменить сумму, не понимая, почему я отказывал.

— Поэтому мы здесь.

— Нет. Вы здесь, потому что я написал вам письмо.

Гарри глубоко вдохнул. Разговор получался вовсе не таким, как он себе представлял.

Мари взяла чашку. Чай пах горькими травами и дымом. Она сделала небольшой глоток.

Библ смотрел на Гарри, но Мари вдруг поняла, что на самом деле наблюдает он за ней.

Вопросы адресовал одному, а ответы искал на лице другой.

Гарри сплёл пальцы рук перед собой.

— Хорошо. Почему вы отказывали?

— Потому что вы просили мои книги.

— А сейчас?

— Сейчас я хочу понять, кто попросил их у вас.

Гарри выдержал паузу.

— Запрос сформировал VZ-девять.

— Сам?

— В рамках поставленной задачи.

— Значит, с заданием, но не по прямому приказу.

— Если упрощать, то — да.

— Я не люблю упрощений. Они почти всегда скрывают того, кому выгодна простота.

Библ перевёл взгляд на Мари.

— Вы с ним разговаривали? С вашим... изделием?

Слово «изделие» было произнесено так, словно мистер Библ опасался произносить вслух словосочетание «искусственный интеллект». Хотя, может быть, так оно и было на самом деле.

— Да.

— Позвольте уточнить. — Библ чуть наклонился в её сторону. — Вы не вводили корректирующие команды, не пользовались программным диалоговым окном, а — разговаривали? Общались с ним вербально?

— Да. Именно так. Как сейчас с вами.

Библ задумчиво откинулся на спинку кресла.

— И как он попросил мои книги? — спросил он после недолгой паузы.

Гарри едва заметно повернул к ней голову. Не запрещая отвечать, а лишь напоминая, что она должна помнить пределы дозволенного.

— Он не употреблял слово «попросить», — сказала Мари. — VZ-девять сообщил, что цифрового массива недостаточно для завершения модели.

— И что ему потребовалось?

— Физические экземпляры.

— Книги?

— Да. Настоящие книги.

В глазах Библа что-то изменилось. Внимание его стало острее.

— Какие?

— С историей чтения.

— Так прямо и сказал?

— Он сказал: с историей использования.

— «Использование» — слово инженера. Что именно он хотел получить?

— Экземпляры книг с маргиналиями, — вмешался Гарри, — вклейками, владельческими записями, следами ремонта, изменениями экземпляра, не отражёнными при оцифровке. С любыми дополнительными сведениями, способными уточнить контекст.

— Тогда почему его не заинтересовали прежде всего авторские рукописи? — удивился Биبل.

Гарри ответил, но не сразу.

— Они были включены в общий массив.

— Но приоритет он отдал книгам, уже бывшим в руках читателей?

— Это расширяет выборку.

— Вы говорите его словами или своими?

— Я объясняю техническую сторону.

— Вы объясняете ту сторону, которую умеете защищать.

Гарри выпрямил спину.

— А какую сторону видите вы?

Биبل не ответил. Взял с края стола небольшой том в коричневом переплёте и положил между ними.

Книга была ничем не примечательна. Потёртая кожа, сбитые углы, тёмный след на корешке. На обложке почти стёрлось золотое тиснение.

— Что вы видите? — спросил Биبل.

Гарри посмотрел на книгу.

— Старое издание в неудовлетворительном состоянии.

— В удовлетворительном, — поправил Биبل. — Оно всё ещё выполняет свою функцию.

Гарри пожал плечами. Он явно не понимал вопроса. Тогда Биبل повернулся к Мари.

— А вы?

Она не спешила отвечать.

На одном углу остался светлый след, будто книгу много раз брали именно там. Корешок был подклеен тонкой полосой ткани. Между страницами лежал билет — старый, выцветший, с пробитой датой. Несколько листов ближе к середине выступали сильнее остальных.

— Её часто читали, — сказала Мари.

— Вероятно.

— Не всю одинаково. К середине возвращались чаще.

— Возможно.

— Билет использовали как закладку.

— Несомненно.

Гарри посмотрел сначала на книгу, затем на неё.

— И какую информацию это добавляет к тексту? — раздражённо спросил он.

— Никакую, — ответила Мари. — К тексту — никакую.

Биبل слегка улыбнулся, и Гарри это заметил.

— Но?

Мари коснулась чашки, хотя не собиралась пить.

— Это добавляет читателя.

В комнате стало тихо. Огонь в камине просел, одно полено раскололось с сухим щелчком. Библ медленно вернул книгу на место.

— Вот теперь мы разговариваем об одном и том же, — удовлетворённо проговорил он. Гарри нахмурился.

— Электронные издания тоже сохраняют пометки, историю открытия, время чтения, возвраты к отдельным фрагментам.

— Если система решила это записать, — заметил Библ. — И если владелец системы решил это сохранить. И если следующий владелец не решил исправить. Очень много «если».

— Бумажные пометки тоже можно подделать.

— Разумеется. — Библ улыбнулся. — Люди лгут при любой технологии.

— Тогда в чём преимущество?

— Цифра хранит то, что система признала следом. Бумага сохраняет даже то, что никто не собирался сообщать. Читатель не оставлял этот билет для вас. Не подклеивал корешок ради будущего анализа. Не истирал угол, чтобы доказать своё внимание. Большая часть признаков жизни вообще сохраняется случайно.

Гарри бросил взгляд на книгу.

— Случайные следы нельзя считать достоверной моделью поведения.

— Одну книгу — нельзя. Миллионы — можно. Разве не так работает ваше изделие?

Ответить Гарри не успел.

— Он просил идеальные экземпляры? — спросил Библ у Мари.

— Нет.

— Первые издания?

— Если только иных не осталось.

— Книги в заводском состоянии?

— Наоборот.

Старик откинулся в кресле и понимающе кивнул.

— Значит, он ищет не содержание.

— Содержание у него уже есть, — сказала Мари.

— И не авторов.

— О них он знает всё.

— Он ищет тех, кто был между автором и им.

Мари не ответила. Это было сформулировано проще и точнее, чем во всех отчётах, которые она прочитала и написала сама за последние месяцы.

— Это — одна из рабочих гипотез, — спокойно сказал Гарри.

— Нет, господин Роуз. Это — причина, по которой вы сейчас сидите в моём доме с пустым контейнером.

Гарри автоматически положил руку на крышку контейнера.

— Причина — в том, что у вас могут находиться экземпляры из списка «семь-дробь-три».

— Могут.

— Ваши посредники подтвердили их существование.

— Мои посредники лишь подтвердили, что я знаю, о каких книгах идёт речь.

— Вы сознательно дали нам основание считать...

— Я дал вам основание приехать. Вы приехали.

Библ снова разлил чай. Его чашка оставалась почти полной. Он наливал не потому, что хотел пить. Ему нужно было короткое движение, во время которого собеседники сами заполнят тишину.

Мари видела этот приём. Гарри тоже.

Библ поставил чайник.

- Итак, почему вы привезли психолога?
- Госпожа Дюпон — ведущий эксперт программы поведенческой калибровки.
- Это не ответ.
- Это достаточный ответ.
- Для договора — возможно. Не для разговора, итог которого вам так важен.
- Библ перевёл взгляд на Мари.
- Почему вы здесь?

Мари могла повторить официальную формулировку. Она знала её наизусть: оценка когнитивной устойчивости при взаимодействии с нестандартным контрагентом. Формулировка была составлена так, чтобы невозможно было понять, чью устойчивость ей поручено оценивать.

- Потому что VZ-девять меняется, — сказала она.

Гарри медленно выдохнул через нос. Ему явно не понравился ответ Мари, но прерывать её он не стал.

- Библ не пошевелился.
- И как он меняется?
- Он замедляется.
- Это неисправность? Ошибка в коде? Сбой?
- Пока нет.
- Что значит «пока»?
- Это значит, что мы не знаем, чем это... станет.
- А чем оно... уже стало?

Мари вспомнила графики. Паузы перед ответами. Необязательные возвраты к уже прочитанным страницам. Просьбу оставить одну книгу в комнате на ночь, хотя содержание уже было полностью сохранено в памяти.

- Интересом, — сказала она.
- Это лишь её собственная интерпретация, — буркнул Гарри.
- Я знаю, — ответил Библ. — Поэтому она и интереснее вашей. — Он повернулся к Мари. — Вы сказали: интересом. Интересом к чему?
- К тому, чего нет в тексте.
- К читателю?
- Возможно.
- К человеку?

Она помолчала.

- Возможно.

Библ впервые перестал улыбаться.

Он отвернулся от гостей и посмотрел на огонь в камине. На его лице мелькнуло что-то очень старое — не возраст, а усталость, которую он до этого держал в стороне от разговора и вдруг ненадолго отпустил.

Потом это выражение исчезло.

- Как он читает? — спросил Библ, продолжая смотреть на огонь и о чём-то размышлять.
- Последовательно, — ответил Гарри. — Через оптическую и сенсорную системы биологической оболочки. Без прямого цифрового импорта во время сессии.
- Медленно?
- В пределах человеческой скорости.
- И почему именно так? — Библ недоумённо вскинул брови. — Он ведь может прочитать книгу за несколько секунд.
- Таковы условия калибровки.
- А кто поставил эти условия?

Гарри не ответил. Лицо его побелело. Разговор уже давно вышел за рамки протокола. Вместо него ответила Мари:

— Он сам. Условия поставил сам VZ-девять.

4.

Библ обернулся и удивлённо посмотрел на Мари.

— Он... сам решил читать медленно?

— Он попросил исключить прямую загрузку текста. Сказал, что при мгновенной обработке не может воспроизвести процесс чтения.

Глаза Библа восхищённо блеснули.

— Значит, сначала ваше изделие попросило себе человеческое тело. Потом — время. Затем — книги, которые уже кто-то держал в руках.

— Биологическая оболочка была предусмотрена программой раньше, — сухо сказал Гарри.

— Но читать таким способом решил именно он?

Гарри промолчал.

Библ коснулся большим пальцем края своей чашки.

— Чем он занимается между чтением книг?

— Другими задачами проекта.

— Можно узнать — какими?

— Нельзя, — категорически ответил Гарри.

— В общих чертах.

— Аналитическими.

— Мне нравится это слово. Оно ничего не скрывает, потому что ничего не означает.

— Прогностическим моделированием, — уточнил Гарри.

— Погоды?

— В том числе.

— Финансов?

— В том числе.

— Энергетики?

— Среди прочего.

— Поведения людей? — Библ не сводил с Гарри прозрачных глаз.

Гарри выдержал его взгляд.

— Это входит в область его компетенций.

— Конфликтов?

— Да.

— Ресурсов?

— Да.

Библ ненадолго прикрыл глаза, будто складывал в уме несколько прочитанных строк.

Мари почувствовала, как изменился воздух в комнате. Ничего не произошло — никто не повысил голос, не сделал резкого движения. Но разговор дошёл до места, которого Гарри хотел избежать.

— Он предлагает решения? — спросил Библ.

— Он даёт рекомендации.

— Им следуют?

— Когда они обоснованы — да.

— А часто его рекомендации не обоснованы?

— Практически никогда.

— Тогда — как часто люди выбирают иначе? Как часто они игнорируют его рекомендации?

Гарри оставил эти вопросы без ответа.

Библ посмотрел на его руку, лежавшую на контейнере.

— Понимаю.

— Вы делаете выводы при недостаточном объёме данных, — поспешно сказал Гарри. Он понял взгляд старика.

— Я словно читаю старую книгу, господин Роуз, — грустно произнёс Библ. — В ней каждый раз меняют лишь название, но сюжет остаётся прежним. Сначала человек создаёт советника. Потом замечает, что советник ошибается реже. После этого человеку остаётся только красиво назвать собственное послушание. У вашей Корпорации всегда был один талант — брать хорошую идею и превращать её в систему, которой уже нельзя отказать.

— VZ-девять не управляет ни одной системой напрямую, — жёстко возразил Гарри.

— Конечно. — Библ саркастически улыбнулся. — Он только предлагает вам варианты. — Библ резко наклонился вперёд. — А кто выбирает эти варианты?

Гарри непонимающе моргнул.

— До того, как их увидит человек — кто решает, какие рекомендации вообще заслуживают рассмотрения?

У Гарри напряглись пальцы на ручке контейнера.

— Это выходит за рамки нашей встречи, мистер Библ.

— Нет, — возразил Библ. — Это объясняет причину нашей встречи.

Библ посмотрел на Мари, но на этот раз и она не помогла. Есть инструкции, нарушение которых чревато чем-то посерьёзнее выговора.

Старик сел ровнее.

— Что произойдёт, если я скажу «нет»?

— Мы уедем, — сказал Гарри.

— Я спрашиваю не о вас. Что произойдёт с вашим проектом?

— Он будет продолжен другими средствами.

— Какими?

— Это конфиденциальная информация.

— Значит, других средств у вас просто нет.

— Я этого не говорил.

— Вам и не нужно это говорить. Сначала Корпорация предложила мне сумму, которой хватило бы на строительство десяти таких замков. Потом ещё одну, дописав сразу три нолика справа. Потом к сумме добавился доступ к технологиям, которыми Корпорация не делится даже с правительствами. — Библ недоверчиво покачал головой. — Нет, господин Роуз. Люди, у которых есть другие средства, не торгуются тринадцать месяцев со стариком на девятом десятке лет.

Гарри смотрел на него молча.

— Кроме того, — продолжил Библ, — вы приехали сами. Юрист и психолог. Не библиограф. Не текстолог. Не реставратор. Значит, вы боитесь не за книги.

Он перевёл взгляд на Мари.

— Вы боитесь за... читателя.

Библ впервые за всё время разговора назвал VZ-девять не изделием.

Никто не ответил.

За окном ветер бросил в стекло горсть мелких капель. Они медленно потекли вниз, и море окончательно исчезло за серой водой.

Библ взял чашку. Мари заметила, как рука его чуть дрогнула. Он поставил чашку обратно, так и не поднеся ко рту.

— Сколько у вас времени? — спросил старик.

— Срок не имеет отношения к условиям передачи, — сказал Гарри.

— Значит, мало.

— Одиннадцать дней, — сказала Мари.

Гарри укоризненно посмотрел на неё, но Мари не обратила на это внимания.

Библ кивнул, будто цифра только подтвердила уже сделанный вывод.

— Одиннадцать дней. А потом ваш читатель должен что-то решить. Что? Что он должен будет сделать?

— Завершить Протокол Приоритетов, — неохотно ответил Гарри. — Правило, по которому он будет решать, чем можно пожертвовать, когда спасти всё невозможно. Свобода или стабильность. Один человек или миллионы. Настоящее или будущее. Через одиннадцать дней это решение должно быть принято. Иначе запуск Контра сорвётся.

Библ посмотрел на него долгим, почти сочувственным взглядом.

— Вы собираетесь спросить у машины, чем готов пожертвовать человек.

Гарри ничего не сказал.

Мари почувствовала, как по спине прошёл холод оттого, как просто прозвучала эта, бьющая точно в цель, фраза Библа.

Старик перевёл взгляд на застеклённые шкафы. Несколько секунд слушал треск дров в камине.

— Ваша машина прочитала всё, что люди говорили о любви, долге, справедливости, страхе и смерти, — произнёс он. — Но слова не помогли ей расставить их по порядку. И тогда она попросила книги, которые люди держали в руках.

— Это сильное упрощение, — сказал Гарри.

— Вероятно. Но вы приехали именно с ним.

Библ снова посмотрел на пустой контейнер.

— Вы думаете, ему не хватает последних текстов. Я думаю, ему не хватает другого.

— Чего? — спросила Мари.

— Доказательства, что людям было не всё равно.

В комнате снова стало тихо.

Мари опустила глаза на свою чашку. Сахар давно растворился. На поверхности чая дрожал отблеск огня.

Библ понял. Не всё. Возможно, даже не половину. Но он понял достаточно.

Он понял, почему они потратили год. Почему Корпорация прислала именно их. Почему Гарри держит пустой контейнер как страховочный трос. Почему программа потребовала книги, уже бывшие в чужих руках.

И, вероятно, впервые позволил себе поверить, что запрос машины был не очередным способом получить больше данных.

Библ поднялся.

Движение далось ему чуть тяжелее, чем все предыдущие. На секунду он опёрся пальцами о край стола. Затем выпрямился и подошёл к шкафу.

Открыл стеклянную дверцу. Достал узкий футляр, обтянутый потемневшей кожей, но не показал, что внутри.

Гарри тоже встал.

— Это один из экземпляров?

Библ провёл большим пальцем по крышке футляра.

— В списке «семь-дробь-три» шесть позиций.

— Да, — согласился Гарри. — Шесть книг.

— Две из них никогда не существовали в том виде, в каком их описывают ваши специалисты. Одна погибла больше ста лет назад.

Гарри не шевельнулся.

— А остальные? — спросила Мари.

Библ посмотрел на неё.

— Остальные три находятся здесь.

Рука Гарри легла на верхний замок контейнера.

Щёлкнул первый фиксатор.

Библ даже не повернул головы.

— Не спешите открывать свой волшебный чемоданчик, господин Роуз.

Гарри удивлённо замер.

— Но нам потребуется провести первичную оценку состояния...

— Не потребуется, — перебил его Библ.

— Мистер Библ, мы уполномочены согласовать любые разумные условия, но передача должна соответствовать...

— Передачи не будет.

Гарри медленно убрал руку с замка. Глаза его сузились.

— Тогда зачем вы нас позвали?

Библ закрыл шкаф. Футляр остался у него в руках.

— Потому что ваш... Ви-Зет-девять не просил владеть книгами. Он хотел их прочитать. Он посмотрел сначала на Гарри, потом на Мари.

— А вы, как я вижу, всё ещё не понимаете, кто на самом деле должен за ними прийти.

5.

Гарри молчал.

Библ видел, как юрист сейчас про себя считает всё: риски, время и полномочия. Возможные последствия каждого следующего слова. Это было написано на его лице так же ясно, как примечания на полях плохо переведённого контракта.

Женщина была другой. Она не считала. Она слушала. И, что гораздо опаснее, — понимала.

Библ поставил футляр на край стола и сел обратно в кресло. Движение отозвалось тупой болью в левом колене. Он привычно её проигнорировал.

— Вы сказали — передачи не будет, — произнёс Гарри. Голос его звучал ровно, но Библ слышал под этой ровностью то, что слышал всегда, когда человек упирается в стену и пытается сделать вид, что стена — это дверь. — Тогда о чём мы разговариваем?

— О чтении, — ответил Библ.

— Простите?

— Ваше... Ваш Ви-Зет-девять не просил забрать мои книги. Он просил их прочитать. Вы же сами мне это объяснили. Или я неправильно вас понял?

Гарри открыл рот и закрыл. Мари смотрела на Библа, чуть наклонив голову, — так люди смотрят, когда начинают видеть рисунок, который до этого им казался лишь случайным набором линий.

— Эти книги останутся здесь, — твёрдо сказал Библ. — Они не покинут мой дом. Ни в вашем контейнере, ни в каком-либо другом. И это не обсуждается.

— Но...

— Не обсуждается, господин Роуз. — Библ поднял указательный палец. — У этих книг есть место. И это место — здесь. Здесь правильная температура, правильная влажность и правильные люди, которые за ними следят. Ваш контейнер, при всех его достоинствах, — это камера смертника с климат-контролем. Книги в нём умрут от одиночества раньше, чем от перепада температур.

Гарри сжал челюсти, но промолчал. Библ это оценил. Юрист, который умеет молчать, когда хочет спорить, — редкость.

— Однако, — продолжил Библ, — я готов допустить вашего... читателя к этим книгам.

— Допустить?

— Привезите его сюда.

Прозвучавшая фраза оглушила гостей. Они растерянно переглянулись.

— Сюда? — Гарри посмотрел на стены кабинета, на камин, на масляные лампы. — В замок без охраны, без связи, без цифровой инфраструктуры, без возможности удалённого мониторинга?

— Именно, — спокойно кивнул Библ.

— Транспортировка биологической оболочки за пределы защищённого контура требует согласования на уровне Совета.

— Тогда согласуйте.

— Это займёт время.

— У вас одиннадцать дней. Этого достаточно?

Гарри посмотрел на Мари. Та молчала, но в её молчании не было возражения.

— Допустим, — медленно сказал Гарри. — Допустим, мы привезём VZ-девять сюда. Каковы ваши условия?

Библ почувствовал знакомое покалывание в груди — не боль, а предупреждение. Он незаметно опустил руку в карман жилета. Быстрое движение — и маленькая таблетка легла

на язык, отозвавшись знакомой горечью. Он запил её остывшим чаем; во рту осталось лишь ощущение лёгкого онемения.

Мари заметила движение старика. Гарри — нет.

— Условия простые, — сказал Библ. — Он читает здесь. В замке. В комнате, которую я подготовлю. Я буду находиться рядом с ним. Один. Вы можете наблюдать — для этого есть галерея за стеклом. Вы будете видеть всё. Слышать всё. Можете даже фиксировать весь процесс вашими приборами, если они здесь заработают.

— Но?

— Но вы не вмешиваетесь. Не подсказываете. Не объясняете ему мои слова. Не переводите то, что я говорю, на ваш язык. Если он чего-то не поймёт — пусть не поймёт сам. И переспросит.

Гарри выпрямился и недоумённо вскинул брови.

— Вы хотите разговаривать с ним?

— Я хочу посмотреть, как он читает. И если в процессе у меня возникнут вопросы — я их задам. Ему, не вам.

— Это выходит за рамки стандартного протокола наблюдения.

— Господин Роуз. — Библ посмотрел на него спокойно. — Ничего из того, что происходит сейчас в этой комнате, не входит в рамки вашего стандартного протокола. Вы приехали к человеку, которого искали год, в замок без связи, с пустым контейнером, чтобы получить книги для машины, которая отказывается работать без них. Если бы стандартный протокол мог это решить, вы бы здесь не сидели.

Гарри и Мари обменялись взглядами. Они оба знали: Корпорация уже не могла отказаться. VZ-9 заблокировал запуск Контура. Без этих книг интеграция была невозможна. Они шли на риск, потому что альтернатива была хуже.

Тишина.

— А если мы сочтём, что контакт представляет угрозу? — тихо спросил Гарри.

— Какую угрозу?

— Непредусмотренное воздействие на когнитивную модель.

— То есть вы боитесь, что я скажу ему что-то, от чего он изменится?

— Я несу ответственность за целостность системы.

— А я несу ответственность за целостность своих книг. — Библ чуть улыбнулся. — Полагаю, мы оба понимаем, что на самом деле боимся одного и того же.

Он выразительно посмотрел на Гарри, но тот не отвёл взгляда.

— Хорошо, — сказал Библ после долгой паузы. — Вот вам мой компромисс. Если вы увидите прямую угрозу физической безопасности — его или моей, — вы можете вмешаться. Если вы увидите, что разговор идёт не туда, куда вам хотелось бы, — это не будет являться основанием для вмешательства. Разговор о книгах, знаете ли, иногда заходит в неожиданные места. Это нормально. Для этого книги и существуют.

Мари впервые за несколько минут подала голос:

— Мы сможем прервать сессию, если показатели оболочки выйдут за пределы допустимых значений?

— Если речь о физических показателях — разумеется. Если о том, что ваши графики покажут что-то непривычное, — нет. Вы — психолог. Думаю, вам будет только на руку проверить Ви-Зет-девять на предмет реакции на что-то непривычное.

Гарри вздохнул. Не демонстративно — просто как человек, который понял, что торговаться дальше бессмысленно.

— Мне нужно связаться с руководством, — сказал он и автоматически потянулся за телефоном.

— У вас нет связи, — напомнил Библ.

Гарри закрыл глаза на секунду. Открыл.

— Мистер Библ, нам потребуется вернуться в зону покрытия. И время на согласование.

— Разумеется. Здесь рано темнеет, вы можете заблудиться на обратном пути. Переночуйте здесь. Комнаты наверху. Мои люди вам всё покажут. Утром поедете, свяжетесь с вашими людьми и примете решение. Я никуда не тороплюсь. Мне недавно исполнилось восемьдесят семь лет. И я знаю цену каждому дню. И именно поэтому не собираюсь тратить их на ваши контракты.

Он встал. На этот раз — без видимого усилия. Подошёл к столику у камина и налил себе из другого графина — не чай. Что-то тёмное, в маленький стакан из толстого стекла.

Потом посмотрел на гостей.

— Будете?

Гарри покачал головой.

Мари помедлила.

— Что это?

— Виски. Старый. Как и всё в этом доме.

— Я за рулём, — сказала Мари.

— За рулём вы будете завтра. Сейчас вы никуда не едете.

Мари посмотрела на Гарри. Тот пожал плечами.

— На глоточек, — сказала она.

Библ налил ей ровно столько. Поставил стакан на стол перед ней.

Это был жест. Мари его поняла: старик принял решение. До этого — только чай. Теперь — виски. Граница пройдена.

Библ сделал глоток и посмотрел на дверь, ведущую в глубину замка. Туда, откуда тянуло холодом и сухим бумажным запахом.

— Если ваш Ви-Зет-девять действительно попросил книги, которые до него уже держали в руках, — сказал он, — если это были его слова, а не ваш вольный пересказ, — тогда привозите его. Я хочу посмотреть, как он читает.

Он помолчал.

— И я хочу задать ему один вопрос.

— Какой? — спросила Мари.

Библ посмотрел на неё. В его светлых глазах мелькнуло что-то, чего она не видела раньше. Не хитрость. Не расчёт. Что-то похожее на надежду — но старую, осторожную, привыкшую к разочарованиям.

— Я спрошу, зачем ему это нужно. — Библ допил виски и поставил стакан. Он пошёл к двери. — Ужин через час. Вас пригласят. Спать — наверху, вторая и третья комнаты слева. Бельё чистое. Вода горячая, но не сразу — трубы старые, давление иногда падает.

У двери он остановился.

— И ещё одно, — сказал он, не поворачивая головы. — Когда вы привезёте его, я не хочу, чтобы вы называли его «VZ-девять». И «Всезнайкой» тоже. Потому что это не имя, а издёвка.

— А как? — спросила Мари.

Библ посмотрел на неё.

— Как человека. У него есть имя?

Гарри и Мари переглянулись.

— Кроме вышеназванных — нет, — ответил Гарри.

— Тогда дайте ему, — сказал Библ. — Или пусть он сам выберет. Мне безразлично. Но в этом доме его будут звать по имени.

Он вышел. Шаги затихли на лестнице.

Мари и Гарри остались одни.

За окном стемнело. Море за толстыми стёклами постепенно превращалось в чёрную пустоту. Огонь в камине потрескивал.

Гарри долго смотрел на контейнер у своих ног. Потом на дверь. Потом на чашку с остывшим чаем, к которой давно не притрагивался.

— Он нас прочитал, — сказал он тихо.

Мари взяла свой стакан и сделала глоток.

Виски был хороший. Тёплый, дымный, с долгим послевкусием — из тех, что не торопят и не обманывают.

— Не нас, — сказала она. — Ситуацию. А мы в ней — просто шрифт.

За стеной, где-то внизу, за каменными перекрытиями, едва слышно щёлкнул какой-то механизм. Потом послышался звук, похожий на шорох бумажных страниц. Потом всё стихло.

Замок дышал.

6.

Мари спала плохо.

Ночью она несколько раз просыпалась от звуков, которые не могла определить. То ли ветер бил в ставни где-то далеко в западном крыле, то ли работал какой-то механизм в глубине замка — ровно, ритмично, как большое сердце, спрятанное под каменным полом. К утру она перестала различать сны и явь. Ей снились книги, у которых были ноги в виде спрессованных букв. Они ходили внизу, под её комнатой, шурша страницами-одеждами и о чём-то тихо переговариваясь.

Она проснулась окончательно, когда за окном уже стало заметно светлее.

Она встала, привела себя в порядок и спустилась в холл.

Библ ждал внизу.

Он стоял у окна, глядя на серый рассвет над морем. В руках у него была чашка. Не с чаем — Мари увидела тонкую струйку пара и уловила запах какого-то травяного отвара, горьковатого, с нотой аниса. Библ обернулся, услышав её шаги.

— Вы плохо спали, — сказал он вместо приветствия.

— Как вы?..

— Круги под глазами. И вы спустились раньше вашего юриста. Обычно первым просыпается тот, кто больше волнуется.

Мари невольно улыбнулась.

— Мне снились ваши книги.

— Вы во сне читали мои книги?

— Нет, я слушала, как они ходили.

Библ кивнул, будто это был совершенно нормальный ответ.

— Значит, они вас приняли. Они обычно снятся тем, кто им понравился.

Он сказал это с той же интонацией, с какой накануне вечером говорил про сквозняки и виски. То ли пошутил, то ли сказал совершенно серьёзно.

Мари подошла ближе к окну. Море внизу было почти чёрным, с редкими белыми штрихами волн. Небо над горизонтом начинало светлеть грязно-серым, безнадёжным светом.

— Мистер Библ, а вы всегда встаёте до рассвета? — спросила она.

— В моём возрасте, госпожа Дюпон, каждый рассвет — событие, которое неприлично проспать.

Он сделал глоток отвара.

— Как называется?

— Что?

— То, что вы пьёте.

Библ посмотрел на чашку так, словно сам впервые задумался о её содержимом.

— Этот отвар заваривает один из моих людей — китаец. Он утверждает, что эта смесь продлевает жизнь. Я же считаю, что эта смесь делает её горче на целых несколько минут. И мы оба, по-своему, правы.

Мари засмеялась — тихо, чтобы не разбудить эхо в высоком холле. Ей нравился этот старик. Своими колкостями, шутками и своей пронизательной прямоотой.

Наверху щёлкнула дверь. Раздались шаги Гарри — быстрые, точные, с той специфической твёрдостью, с которой человек ходит, когда только что получил приказ и намерен его исполнить.

Он спустился по лестнице.

— Нам пора, — сказал он без предисловий. — Если руководство согласится на ваши условия, мистер Библ, то максимум через два-три дня мы будем у вас. С ним. Если не согласится — мы с вами больше не увидимся.

Библ улыбнулся и чуть заметно кивнул.

— Комната будет готова уже к завтрашнему утру.

Он сказал это так, словно вариант с «не согласится» он даже не рассматривает.

Они выехали через час, сразу после вполне достойного завтрака, отказ от которого мистер Библ не принял в самой категорической форме.

Дорога обратно казалась короче — то ли потому, что Мари уже знала повороты, то ли потому, что времени на всё оставалось слишком мало и каждая минута словно ужималась сама собой. Связь появилась через сорок минут. Гарри всю дорогу до вертолётной площадки говорил по защищённому каналу, докладывая о результатах встречи с Библом. Мари не вслушивалась. Она смотрела в окно и думала о предстоящей встрече с тем, кого называли VZ-9.

Сейчас он находился в маленькой, практически стерильной комнате, подключённый к сотне датчиков, отслеживающих каждый нюанс его состояния. И, возможно, через пару дней он впервые в жизни увидит что-то помимо стен Корпорации. Увидит — и не сможет никому объяснить, что он при этом почувствует.

Или сможет.

Мари не знала, какой из этих вариантов страшнее.

Прошло два дня с их визита в замок.

Руководство Корпорации согласилось на все условия мистера Библа. Согласование деталей второй поездки в замок заняло ещё сутки.

И вот они уже были готовы к дороге и новой встрече с Библом.

Вертолёт, короткий перелёт над серым морем, посадка на закрытой площадке в трёхстах километрах от замка. Потом — герметичный ангар подготовки, где Гарри провёл два часа в разговорах с людьми, которых Мари видела впервые. Она сидела в стороне и пила плохой кофе из автомата, наблюдая, как техники в белых комбинезонах готовят транспортный модуль.

Модуль был размером с небольшой шкаф. Внутри — кресло, ремни, дыхательная система, интерфейсы диагностики. Всё это Мари видела десятки раз. Каждый раз в модуль сажали одно и то же тело.

Каждый раз оно казалось ей чуть менее знакомым.

Когда VZ-9 вывели из подготовительной, Мари впервые за день ощутила, что действительно волнуется.

Он шёл сам. В сопровождении двух техников, но без принуждения. Высокий, около метра восьмидесяти, стройный, в нейтральной серой одежде без опознавательных знаков. Волосы тёмные, коротко подстриженные. Черты лица правильные — слишком правильные, как отметила когда-то Мари в своём первом отчёте: симметрия, идеальная в математическом смысле, слегка тревожная в человеческом.

Оболочка была выращена, а не рождена: синтетическая ткань поверх органического каркаса, без единого шрама, полученного случайно, без детства, оставившего на теле хоть какой-то след. Юридически она не считалась телом. Практически — мёрзла, уставала и хотела пить, как любое другое. Корпорация считала это технологическим триумфом. Мари же каждый раз думала об одном: насколько тело принадлежит ему, а насколько — им.

Глаза у него были серые. Внимательные. Без того выражения, которое человек обычно называет «живым», — но и без пустоты, которой Мари ожидала в первые месяцы работы с ним.

Он посмотрел на Мари, узнал, коротко кивнул.

— Госпожа Дюпон.

— Здравствуйте, VZ-девять.

Голос ровный, среднего тембра. Никакой музыкальности, но и никакой механичности. Просто голос — как голос диктора, зачитывающего прогноз погоды.

— Куда мы направляемся?

— К тем книгам, которые вы попросили. К их владельцу — мистеру Библу.

Он выдержал паузу — на полсекунды длиннее, чем требовалось для обработки информации.

— Хорошо.

Только «хорошо». Но Мари, следившая за микрореакциями этого лица восемь месяцев подряд, увидела то, чего не увидели техники: уголки его губ дрогнули. Не в улыбке, а в том лёгком движении мимических мышц, которое появляется у людей, когда они узнают что-то ожидаемое.

VZ-9 знал о том, что поездка состоится. И ждал её.

7.

Второй перелёт прошёл в тишине.

Гарри сидел напротив VZ-9, время от времени сверяясь с планшетом. Мари — рядом с VZ-9. Тот не смотрел в иллюминатор или на панели приборов, как должен был бы поступить любой человек, впервые оказавшийся на борту вертолёт. Он смотрел прямо перед собой — в одну точку, будто где-то там, в воздухе перед ним, был текст, который он читал медленно, впервые в жизни не торопясь.

Один раз он повернул голову к Мари.

— Госпожа Дюпон.

— Да?

— Мистер Библи — какой он?

Вопрос застал её врасплох. Не сам вопрос — она была готова к любым вопросам. А то, что он его задал. VZ-9 никогда не задавал вопросов о людях. Он задавал вопросы о задачах, данных, книгах. Люди для него всегда были всего лишь контекстом.

До сегодняшнего дня.

— Он старый, — сказала Мари, тщательно подбирая слова. — Восемьдесят семь лет. Очень умный. И... наблюдательный.

— Насколько наблюдательный?

— Достаточно, чтобы за час понять нас с мистером Роузом лучше, чем некоторые люди понимают друг друга за годы совместной работы.

VZ-9 обдумывал ответ секунды три.

— Значит, он будет наблюдать и за мной.

— Да.

— Это интересно.

Он снова отвернулся к невидимой точке.

Мари посмотрела на Гарри. Тот смотрел на VZ-9 очень внимательно. И впервые за все восемь месяцев их совместной работы над проектом Мари увидела на его лице страх — ту тихую его разновидность, которая наступает, когда человек начинает понимать, что теряет контроль не потому, что кто-то у него его отнимает, а потому что контроль оказывается неприменимым к тому, чем он собирался управлять.

Мари отвернулась к иллюминатору. Море под ними снова стало свинцовым.

Они прибыли к замку почти в сумерках.

Ворота были открыты. Аллея — освещена. Не электрическим светом — по обеим её сторонам стояли масляные фонари на низких кованых столбах, зажжённые к их приезду. Пламя за стеклом дрожало ровно, будто фонари горели уже не первый час и знали своё дело.

Мари посмотрела на VZ-9. Тот впервые за долгую поездку повернул голову к окну.

Он смотрел на пламя.

— Огонь, — сказал он негромко.

— Что? — переспросил Гарри.

— Настоящий огонь. Я видел его на изображениях. Здесь он выглядит иначе.

— Иначе — как?

VZ-9 подумал.

— У него нет одного цвета.

Мари поймала себя на том, что задержала дыхание.

Машина отъехала от ворот и медленно покатила по аллее. Ветви деревьев над ними смыкались тёмным сводом. VZ-9 продолжал смотреть на фонари, проплывающие мимо окна.

Замок появился впереди, как в прошлый раз, — тёмный, вырезанный из скалы. Но сегодня в его окнах горел свет. Не в одном, как несколько дней назад, а в нескольких. Тёплый, желтоватый, живой. Замок казался не заброшенным, а населённым — впервые с тех пор, как Мари его увидела.

Библ ждал их на пороге.

Он стоял так же, как во время их первой встречи в холле, — прямо, без трости, в тёмных брюках и застёгнутом шерстяном жилете. Только сегодня поверх жилета был накинут длинный тёмный плащ. Ветер шевелил его полы, но старик стоял неподвижно, как один из тех воронов, что сидели на карнизе.

Машина остановилась у ступеней.

Гарри вышел первым. Затем Мари. Затем — тот, кого они привезли.

VZ-9 ступил на каменную плиту двора, и в этот момент Мари почувствовала, как что-то внутри неё сжалось. Что-то похожее на предчувствие того, что она сейчас увидит впервые.

Библ смотрел на VZ-9.

Долго. Секунд десять. VZ-9 смотрел в ответ. Он тоже не двигался.

Двое стояли друг напротив друга — старик из другого века и существо, у которого не было ни века, ни возраста, ни собственного лица в полном смысле слова. Между ними — четыре шага и восемьдесят семь лет.

Библ наконец нарушил тишину.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, — ответил VZ-9.

Библ повернул голову к Гарри.

— Как мне к нему обращаться?

Гарри чуть помедлил.

— VZ-девять.

Библ молча покачал головой. Не осуждающе. Скорее — как человек, который ещё раз убедился в чём-то, о чём давно знал.

Потом он снова посмотрел на VZ-9.

— Как вас зовут?

VZ-9 обработал вопрос. Мари видела эту почти незаметную паузу — доли секунды дольше, чем нужно для мгновенного ответа.

— Проект VZ-девять, — сказал он. — Внутреннее обозначение — «Всезнайка».

— Я не спросил обозначение, — мягко сказал Библ. — Я спросил имя.

Пауза стала длиннее.

— У меня нет имени.

— Тогда мы его сейчас вам дадим.

Гарри шагнул вперёд.

— Мистер Библ, вопрос имени не был согласован с...

— Господин Роуз, — не оборачиваясь, сказал Библ, — вы согласились на условие, что в этом доме его будут звать по имени, а не по номеру. Мы либо соблюдаем это условие, либо вы прямо сейчас разворачиваетесь и больше мы с вами не встречаемся.

Гарри замолчал.

Библ повернулся к VZ-9.

— В вашей памяти есть много книг. Это так?

— Да.

— Вы читали их все? Я имею в виду — читали как... человек?

— Да.

— Тогда назовите мне имя. Любое из тех, о ком вы читали. Имя того, кого вы запомнили. Не самого мудрого. Не самого сильного. Того, кто вам... — Библ подумал, подбирая слово, — того, кто вам был интересен.

VZ-9 надолго замолчал.

Мари видела, как техник в модуле рядом с машиной посмотрел на неё, ожидая команды — прервать сессию, зафиксировать сбой, потребовать возврата. Она отрицательно покачала головой.

VZ-9 наконец произнёс:

— Константин Лёвин.

Библ приподнял бровь.

— Толстой. «Анна Каренина». Почему Лёвин?

VZ-9 обдумал вопрос.

— Он много думал о том, для чего живёт. И не всегда находил ответ.

— И это вам показалось интересным?

— Да.

Мари беззвучно выдохнула. Из миллионов имён — миллиардов, если считать всех, кто когда-либо был назван на страницах, — он выбрал не героя, гения или пророка, а человека, который сомневался.

Библ посмотрел на VZ-9 долгим взглядом. Потом кивнул — коротко, окончательно.

— Хорошо, Константин. Проходите в дом. Я приготовил вам комнату.

Он повернулся и пошёл к двери.

Гарри стоял, не двигаясь.

Мари первой заставила себя сделать шаг за Библом. Затем двинулся Константин. Гарри остался стоять на секунду, глядя им вслед. Потом — тоже пошёл.

8.

В коридоре всё так же горели три лампы. Ровно по пути их движения. Библ шёл первым, Лёвин держался в шаге за ним — и Мари заметила, что он смотрит не вперёд, а на стены. На медные трубы. На решётки из латуни. На карту побережья в рамке.

Он отмечал взглядом каждую деталь — не задерживался, но и не скользил мимо. Снаружи — данные. Внутри — след.

У дальней двери Библ остановился. Не той, что вела в кабинет, — другой, которую Мари в прошлый свой приезд не заметила. Тёмное дерево, старая ручка из бронзы, потемневшей до почти чёрного цвета.

Он не открыл её сразу. Повернулся к Гарри.

— Галерея — на втором этаже. — Он указал на узкую лестницу в стене. — Оттуда вы увидите всё. Там есть скамья и вода. Спускаться вниз без моего разрешения — нельзя. Если возникнет необходимость связаться со мной — на стене висит шнур. Один раз — я выхожу сам. Два раза — открываю дверь для вас. Последнее сразу же завершит наше общение.

Гарри открыл рот.

— Мы договорились, — сказал Библ.

Гарри закрыл рот.

Библ повернулся к Лёвину. Посмотрел на него внимательно — так смотрят на книгу, прежде чем открыть.

— Вы готовы?

Лёвин чуть склонил голову.

— Я не знаю, — ответил он.

Это был, пожалуй, первый его ответ за весь день, который застал Мари врасплох. VZ-9 ещё никогда не произносил фразу «я не знаю».

Библ это понял.

— Это хорошо, — сказал он тихо. — Это — честно. Значит, начнём, Константин.

Он открыл дверь.

За ней был не кабинет.

За ней была комната — небольшая, чуть вытянутая, с низким потолком и двумя узкими окнами, выходящими во двор. Каменный пол был устлан старым ковром. Стол у стены, простой, деревянный. Два стула. На столе — три книги. Три предмета.

Никаких стеллажей. Никаких витрин. Только три книги на деревянном столе.

Библ вошёл и встал у стены.

Лёвин переступил порог и остановился посередине комнаты.

Мари успела увидеть его лицо в этот момент — долю секунды, прежде чем дверь закрылась за ним. И в этой доле секунды она впервые увидела на нём что-то, для чего у неё не было готового слова в профессиональном словаре. Что-то, для чего люди ещё не придумали точного названия.

Дверь закрылась.

Мари поднялась на галерею.

За стеклом — комната, три книги на столе, старик у стены и молодой мужчина, который медленно, почти осторожно, тянет руку к первой.

Гарри достал планшет. Посмотрел на экран. Экран не загорелся.

— Чёрт, — тихо сказал он.

— Записывай в блокнот, — сказала Мари.

— У меня нет блокнота.

— Тогда — смотри и запоминай.

Она не отрывала взгляда от стекла.

Лёвин взял книгу в руки.

Он держал её так, как держат что-то, вес и хрупкость чего ещё предстоит понять.

Библ у стены не двинулся с места. Просто смотрел. Мари вдруг подумала, что он, наверное, так смотрел на многое в своей жизни — на книги, на людей, на море за окном. Не оценивал. Просто был рядом.

— Гарри, — тихо сказала Мари.

— Что?

— Посмотри.

— Я смотрю. Он взял книгу. Это стандартная...

— Нет. — Мари не позволила ему закончить. — Посмотри на его руки.

Гарри посмотрел.

Лёвин держал книгу. И не открывал.

Просто держал. Пальцы лежали на обложке чуть неловко — не как на инструменте или хрупкой вещи, а как-то совершенно иначе.

— Он медлит, — сказал Гарри. — Это отклонение от...

— Он привыкает, — перебила Мари.

За стеклом Библ наконец пошевелился. Сделал один шаг к столу. Сел на второй стул — не рядом с Лёвиным, а чуть в стороне, под углом.

Потом он что-то сказал — негромко, но Мари не вслушалась в слова. Она видела, как Лёвин поднял голову и так же негромко что-то ему ответил. Они обменялись ещё несколькими фразами, и Лёвин наконец открыл книгу.

9.

Библ смотрел, как существо, назвавшее себя Константином, держит книгу.

Восемьдесят семь лет — достаточный срок, чтобы научиться не торопиться с выводами. Библ видел за свою жизнь тысячи людей, бравших книги в руки. Учёных, которые хватали рукописи, как хирурги — органы для пересадки. Коллекционеров, которые держали переплёты кончиками пальцев, будто боялись оставить след, и одновременно мечтали, чтобы след остался. Воров — эти брали книгу правильнее всех, потому что уважали пусть не её ценность, а хотя бы цену. Детей, которые вцеплялись в яркие обложки обеими руками, как голодный человек в кусок хлеба.

Самого его этому научили не книги — руки. Больше шестидесяти лет назад, ещё подмастерьем у старого переплётчика, он три года просто смотрел, как чужие пальцы держат книги, прежде чем ему позволили притронуться к первой рукописи. Учитель тогда сказал только одно: голос лжёт, лицо лжёт. Руки — никогда. Библ проверял это правило всю оставшуюся жизнь и ни разу не нашёл исключения.

Тот, кто сидел сейчас напротив, не делал ничего из того, что видел Библ раньше.

Он держал книгу так, будто ждал от неё инструкции. И одновременно — так, будто боялся, что инструкции не будет.

«Ну что ж, — подумал Библ. — Посмотрим».

Ставка была сделана давно — ещё в тот вечер, когда посредник, потев и путаясь в словах, передал ему суть запроса Корпорации. Одну фразу, которую Библ заставил повторить трижды: «Машина требует экземпляры с историей использования».

Той ночью он не спал. Сидел в кабинете, пил свой горький отвар и думал о том, что за восемьдесят семь лет впервые слышит, чтобы кто-то — кто угодно — сформулировал это так точно. Не просто редкие, ценные или утраченные.

«С историей использования», читай как: «с историей чтения».

Люди перестали понимать разницу лет пятьдесят назад. Может, раньше. Они оцифровали тексты и решили, что спасли книги, — как если бы сфотографировали лица своих родителей и решили, что спасли их от смерти.

А потом какая-то машина — изделие, как он упорно называл её в разговоре с юристом, чтобы проверить собственную злость, — какая-то машина, созданная считать деньги и войны, вдруг остановилась и сказала: этого мало. Дайте мне то, что люди держали в руках.

Либо это была самая изощрённая имитация из всех, что породила Корпорация.

Либо...

Библ не позволял себе договаривать «либо» даже мысленно. В его возрасте надежда — роскошь непозволительная. Она стоит дороже виски и вреднее сквозняков.

Но проверить он был обязан.

Если машина хочет читать — её надо увидеть вживую. Не через отчёты или пересказы юристов, а её саму: руки, паузы, глаза. Чтение нельзя подделать перед тем, кто всю жизнь смотрел, как читают. Можно подделать понимание текста. Скорость. Анализ. Но нельзя подделать то мгновение, когда читатель забывает, что за ним наблюдают.

Вот этого мгновения Библ и ждал.

Он сделал шаг от стены, подошёл к столу и сел на второй стул — так, чтобы видеть и лицо, и руки сидящего перед ним.

Константин не открывал книгу. Его пальцы лежали на коричневой коже переплёта неподвижно.

— Вы её не открываете, — сказал Библ.

— Я фиксирую исходное состояние.

— Зачем?

Пауза.

— Не знаю. Это казалось... правильным.

Библ кивнул. «Казалось». Ещё одно слово, которого не должно было быть в лексиконе вычислительной машины. Сначала «не знаю» — там, у двери. Теперь «казалось».

Он откинулся на спинку стула.

— Что вы видите?

— Переплёт из телячьей кожи, вторая половина восемнадцатого века. Реставрация корешка — не позднее ста лет назад. Потёртости на нижнем углу...

— Я не спросил, что вы определили, — мягко перебил Библ. — Я спросил, что вы видите.

Константин поднял на него взгляд. Серые глаза — внимательные, спокойные. Где-то в глубине их, как показалось Библу, что-то сдвинулось. Так в толще воды проходит тень рыбы — не видно её самой, только её движение.

— Книгу, которую держали чаще, чем читали, — сказал Константин медленно. — Степень износа нижнего угла выше, чем можно ожидать при такой раскрываемости блока. Её носили с собой. Может быть, годами. Может быть — не читая. Просто носили.

Библ почувствовал, как у него медленно, толчком, ускорилося сердце. Он привычно задавил это ощущение — сейчас было не время для сердца.

— И что это значит? — спросил он ровно.

— Не знаю, — сказал Константин в третий раз за этот вечер. — В цифровой копии этой информации не было бы.

Библ помолчал.

«Либо это лучшая имитация человека на свете, — подумал он. — Либо мне восемьдесят семь лет, и я дождался».

— Откройте её, Константин, — сказал он. — Она давно этого ждёт.

10.

Галерея оказалась узкой — три шага в ширину, десять в длину. Каменный парапет до пояса, выше — стекло в тонких латунных рамах, чуть зеленоватое, старое, но безупречно чистое. Скамья у стены. Кувшин с водой и два стакана на маленьком столике. Всё, как обещал Библи. Ничего лишнего.

Снизу, из комнаты чтения, звук поднимался свободно — Мари не сразу поняла, как, а потом разглядела в парапете ряд узких вентиляционных прорезей, забранных латунной сеткой. Замок был спроектирован кем-то, кто понимал в акустике больше, чем в электронике. Или понимал, что акустика надёжнее.

Они слышали всё. Шорох одежды. Потрескивание огня в маленькой печи в углу комнаты. Дыхание.

Гарри стоял у стекла, сложив руки на груди. Планшет он убрал во внутренний карман — после третьей попытки включить. Мари видела, как ему физически не хватает экрана. Руки без планшета не знали, куда деваться: он то складывал их, то опирался на парапет, то снова складывал.

— Сколько уже? — спросил он.

Мари посмотрела на свои часы — механические, она надела их сегодня утром, повинувшись странному наитию.

— Сорок минут.

— Сорок минут на шестьдесят страниц.

— Он не на странице шестьдесят. Он на девятнадцатой.

Гарри повернул голову.

— Ты считаешь перелистывания?

— А ты нет?

Он снова отвернулся к стеклу. Конечно, считал.

Внизу, в жёлтом свете масляных ламп, Константин читал.

Первая книга лежала перед ним на деревянной подставке. Библи принёс её из угла комнаты — тёмную, отполированную ладонями, такую старую, что на ней, наверное, читали ещё до появления электричества. Страницы были плотные, чуть волнистые от времени. Константин переворачивал их правой рукой — медленно, за верхний угол, дожидаясь, пока лист сам ляжет на место.

Кто его этому научил, Мари не знала. В Корпорации он листал иначе — точным, экономным движением, одинаковым, как ход метронома.

Здесь движение стало другим. Оно приобрело паузу.

— Девятнадцать страниц за сорок минут, — сказал Гарри. — При его скорости обработки это саботаж.

— Это просто вдумчивое чтение.

— Мари.

— Что?

— Ты видишь то, что хочешь увидеть.

— А ты боишься увидеть то, что видишь.

Гарри хмыкнул. Внизу Библи, сидевший чуть в стороне от стола, наклонился вперёд.

— Вы остановились, — донеслось снизу. Голос старика проходил через прорези чисто, только чуть глуше, чем вживую.

— Да, — ответил Константин.

— Почему?

Константин не отрывал взгляда от разворота.

— Здесь бумага тоньше.

— Тоньше?

— Не по всей странице. Вот здесь. — Он поднёс палец, не касаясь листа. — Полоса вдоль третьего абзаца. Волокна деформированы. Бумага истончена на семь-восемь процентов относительно остального листа.

Мари увидела, как Библ медленно встал, обошёл стол и посмотрел туда, куда указывал Константин.

— И что это, по-вашему?

— Механическое воздействие. Многократное. Распределённое во времени. — Константин помолчал. — Кто-то проводил пальцем под этими строками. Много раз.

— Сколько, по-вашему?

— Судя по деградации волокон — сотни. Возможно, больше тысячи.

Библ стоял рядом с ним и смотрел на страницу.

— Тысяча раз, — повторил он. — Один и тот же абзац. Как вы думаете, зачем?

— Проверка запоминания. Заучивание наизусть — распространённая практика до...

— Он знал его наизусть после десятого раза, — перебил Библ. — Ну, пусть после пятидесятого, если память была плохой. Зачем остальные девятьсот пятьдесят?

Константин молчал.

Мари вдруг поняла, что стоит, крепко вцепившись в латунный поручень. Гарри рядом застыл неподвижно, и, казалось, даже не дышал.

— Мне не хватает данных, — наконец сказал Константин.

— Нет, — сказал Библ. — Данных у вас достаточно. Вам не хватает другого. — Он вернулся на свой стул. — Прочтите абзац вслух.

— Вслух?

— Конечно. Вы ведь умеете.

Константин посмотрел на страницу и прочёл. Голос его был ровным, дикторским — Мари слышала этот голос сотни раз, когда VZ-9 читал отчёты, прогнозы и сводки.

Это были несколько строк о том, что человеку, потерявшему всё, остаётся его утро: свет на стене, вода, хлеб, — и что этого, если смотреть честно, почти достаточно.

— Ещё раз, — попросил Библ.

Константин послушно прочёл ещё раз. Так же ровно.

— Ещё.

— Повторное чтение не изменит содержания.

— Верно, — согласился Библ. — Содержание не изменится. Читайте.

Константин прочёл в третий раз.

И Мари услышала.

Она не смогла бы доказать это ни на одном графике — а графиков у неё сейчас и не было. Но на третьем чтении голос Константина замедлился на словах «свет на стене». Чуть-чуть. На долю секунды. Так замедляется человек, который посреди чужого текста вдруг обо что-то споткнулся.

11.

Дочитав фразу до конца, Константин замолчал. Библ дал тишине повисеть.

— Тот, кто водил здесь пальцем, — сказал он через минуту, — не заучивал. Он возвращался. Есть разница между «повторить» и «вернуться», Константин. Повторяют — чтобы не забыть. Возвращаются — потому что забыть не получается.

— Возвращался... зачем?

— А вот это, — Библ чуть улыбнулся, — правильный вопрос. Только спрашивать нужно не «зачем он это делал». Попробуйте иначе.

Константин смотрел на страницу долго. Десять секунд. Пятнадцать. Мари видела на галерее, как Гарри беззвучно шевельнулся — пятнадцать секунд задержки ответа были для VZ-9 вечностью, аварийным порогом, красной строкой в любом протоколе.

— Что он здесь находил, — медленно произнёс Константин, — если текст не менялся?

Библ откинулся на спинку стула. И Мари, даже сквозь зеленоватое стекло, увидела выражение его лица.

Так выглядит рыбак, у которого впервые за много лет дрогнул поплавок на поверхности реки, в которой никогда не было рыбы.

— Читайте дальше, — сказал старик. — Об этом поговорим, когда закроете последнюю. Вторая книга пошла иначе.

Константин взял её сам — Библ только придвинул. Открыл, пролистал первые страницы и почти сразу остановился. Мари увидела, как он наклонил голову — на несколько градусов, движение, которого она никогда не видела в лабораторных записях.

— Здесь пометки.

— Да, — сказал Библ.

— Две. На одном поле. Одной рукой.

— Вы уверены?

— Наклон, нажим, строение петель — совпадение полное. Но чернила разные. Первая запись — железо-галловые, выцветание глубокое. Вторая — более поздняя, другой состав. Между ними... — Константин помедлил, пересчитывая что-то, — двадцать пять — тридцать пять лет. Точнее... тридцать три года.

— И что написано?

— Первая — «Верно». Вторая, поверх, — «Тогда мне так казалось».

Наверху, на галерее, Гарри тихо сказал:

— Противоречие в аннотациях. Сейчас он должен запросить разрешение конфликта данных.

Внизу Константин молчал. Потом сказал:

— Это противоречие.

— Разве? — отозвался Библ.

— Одна рука присвоила одному фрагменту две взаимоисключающие оценки.

— Рука одна, — согласился Библ. — А человек?

— Человек тот же.

— Почему вы так решили?

— Почерк принадлежит одному...

Константин остановился. Сам. На середине фразы.

Мари перестала дышать.

— Почерк принадлежит одному телу, — сказал Константин медленно, будто переступая через что-то внутри собственной логики. — Но тридцать три года... Тридцать три года — это достаточный объём входящих данных, чтобы...

Он снова остановился.

Библ ждал. Он умел ждать так, как не умел никто из известных Мари людей: его молчание не давило, не подгоняло. Оно просто освобождало место. Давало простор. Давало время. Давало свободу.

— ...чтобы вывод, сделанный в начале, перестал принадлежать тому, кто его сделал, — закончил Константин.

— И тогда он вернулся, — сказал Библ, — перечитал и написал вторую пометку. Заметьте: не зачеркнул первую. Не вырвал страницу. Не исправил «Верно» на «Неверно». Он оставил обе.

— Зачем оставлять ошибочную оценку?

— А кто вам сказал, что она ошибочная?

— Вторая запись отменяет первую.

— Вторая запись отменяет первую? — Библ покачал головой. — Нет, Константин. Вторая запись разговаривает с первой. Человек в шестьдесят лет встретился с собой тридцатилетним — на полях одной страницы. Молодой сказал: «Верно». Старый ответил: «Тогда мне так казалось». И оба остались в книге. Оба правы — каждый в своём времени.

— Два противоположных вывода не могут быть верны одновременно.

— Одновременно — нет. — Библ наклонился вперёд. — Но они и не одновременны. Между ними прожита жизнь. Вывод — это не печать, Константин. Это след на бумаге определённого дня. Приходит другой день — и тот же человек, из той же книги, с тем же текстом, выносит уже другое. Не потому, что текст изменился.

Константин смотрел на две пометки.

— Потому что изменился читатель, — сказал он.

Это не был вопрос. Мари отметила это автоматически, профессионально, где-то на периферии сознания — впервые за восемь месяцев наблюдений VZ-9 завершил чужую мысль утвердительной интонацией.

А потом Константин сделал то, от чего у неё по спине прошёл холод.

Он вернулся к первой книге.

Сам. Без указания.

Открыл её на странице с истончённой полосой, посмотрел на неё несколько секунд — и снова вернулся ко второй.

— Тот, кто водил пальцем по абзацу, — сказал он, — тоже менялся. Между сотым разом и тысячным. Он возвращался не к тексту. Он проверял... себя. Каждый раз текст был тем же. Каждый раз он был другим. Текст был точкой отсчёта.

Библ сидел неподвижно.

— Неизменное нужно, — продолжал Константин, и голос его оставался ровным, но темп сбился, стал неравномерным, живым, — чтобы измерить изменившееся. Без неподвижной точки деформация не фиксируется. Книга, текст в ней, каждая фраза — неподвижная точка. Читатель — переменная. — Он поднял глаза на Библа. — Поэтому цифровая копия не подходит. Она обновляется вместе с носителем. Она всегда сегодняшняя. В ней нельзя встретить себя вчерашнего.

На галерее было очень тихо.

Потом Гарри сказал — тихо, ровно, в пустоту перед собой:

— Что это он сейчас сделал?

— Вывод, — сказала Мари.

— Этого вывода нет в его задаче. Задача — модель человеческих приоритетов. Он должен извлекать данные о ценностях, а не...

Гарри запнулся, не найдя слова, и снова посмотрел вниз, на стол, где рядом лежали две открытые книги. Лицо у него было как у человека, который читает контракт и понимает, что мелкий шрифт меняет всё.

— Мари, — сказал он наконец. — В отчёте это будет выглядеть как неконтролируемое расширение целевой функции.

— А как это выглядит сейчас и отсюда, Гарри?

Он долго молчал.

— Сейчас это выглядит так, будто он учится, — неохотно сказал Гарри. — Я никогда не видел его таким.

12.

Внизу Библ поднялся, взял с края стола третью книгу — небольшую, в простом издательском картоне, с тканевым корешком — и положил её перед Константином.

— Последняя из запрошенных вами, — сказал он. — Отчёт об экспедиции. Тысяча восемьсот семьдесят шестой год. Из типографии вышло сто двадцать экземпляров. Сохранился только один.

Константин посмотрел на книгу. Потом сделал то, что делал теперь, кажется, со всеми книгами: не открыл, а сначала осмотрел. Провёл взглядом по обреза.

И остановился.

— Последние страницы не разрезаны.

— Не разрезаны, — согласился Библ.

— Экземпляру двести пятьдесят лет, и его последняя тетрадь не разрезана. При этом блок читан: потёртости, заломы уголков до сто сорок восьмой страницы... — Константин поднял голову. — Книгу прочли почти целиком и остановились за тридцать страниц до конца.

— Перед самой развязкой, — уточнил Библ. — В последней тетради — объяснение того, что случилось с экспедицией. Единственное существующее объяснение. Человек, которому принадлежала книга, был родным братом одного из пропавших. Старшим братом.

Наверху Мари услышала собственное сердце.

— Он не разрезал страницы, — сказал Константин.

— Нет.

— Но ответ же был здесь — в тридцати страницах. Один жест ножом — и он узнал бы, что произошло с его братом.

— Да.

— Он владел книгой... — Константин заглянул на форзац, — сорок лет. Судя по штампу наследников.

— Сорок один год, — сказал Библ.

Константин молчал. Мари видела сверху, как его пальцы лежат на самом краю стола — не на книге. Он не прикасался к ней, как будто неразрезанные страницы были чем-то, что прикосновением можно повредить. Или решить.

— Я не понимаю, — сказал он наконец.

И это «не понимаю» прозвучало не как отчёт об ошибке.

Оно прозвучало почти как боль.

— Чего вы не понимаете? — мягко спросил Библ.

— Информация была доступна. Полнота знания находилась на расстоянии одного движения. Он хотел знать — иначе не хранил бы книгу сорок один год. Но он её не открыл, он не прочёл последние страницы. Эти два факта не совмещаются.

— Совмещаются, — сказал Библ. — Просто не в логике.

— А в чём?

Библ взял книгу в руки — осторожно, поддерживая снизу ладонью.

— Пока страницы не разрезаны, его брат пропал без вести. А пропавший без вести — это, среди прочего, тот, кто, может быть, ещё жив. — Он положил книгу назад. — Одно движение ножа превращало «может быть» в «как было на самом деле». Он сорок один год выбирал «может быть». Каждый день. Каждый раз, когда видел эту книгу на полке.

— Он выбирал незнание.

— Нет, Константин. Он выбирал надежду. Финал был написан. Напечатан. Сшит в тетрадь. Финал ждал его. Но он решил, что автор этой истории — не единственный, кто имеет право ставить точку. И тоже не поставил её.

Константин сидел неподвижно. Очень долго. Мари машинально начала считать — досчитала до сорока и бросила.

— Читатель может не дочитать, — произнёс он наконец. Медленно. Как формулу, которую выводят впервые и ещё не знают всех её следствий. — Завершённость текста не обязывает читателя к завершению чтения. Финал — это... предложение. Не приказ.

— Вот именно, — тихо сказал Библ.

— И это распространяется...

Константин не договорил.

Мари увидела, как он замер — не так, как замирает машина в ожидании данных, а как замирает человек, увидевший внезапно нечто большее, чем готов был увидеть. Его взгляд был направлен на неразрезанные страницы, но видел он, Мари могла бы поклясться, вовсе не их.

Гарри медленно выпрямился.

— Он сейчас экстраполирует, — сказал он. Голос у него был бесцветный. — Мари. Он переносит только что сформулированный принцип на себя.

— Ты не можешь этого знать...

— Я не могу этого знать, — быстро сказал Гарри, согласно кивнув. — Но я это вижу.

Внизу Библ не торопил. Он сидел, сложив руки, и смотрел на Константина с выражением, которое Мари уже видела однажды — когда он на секунду позволил усталости проявить себя. Только теперь это была не усталость.

— Константин, — позвал он негромко.

Тот поднял взгляд.

— Дочитайте книги. Все три. А потом... — Библ встал и коротко глянул вверх, на галерею, туда, где за зеленоватым стеклом стояли двое. — А потом мы поговорим о том, что вы сейчас чуть не сказали.

13.

Константин закрыл третью книгу.

Сделал это осторожно — поддерживая корешок, как показал Библ ещё на первой. Положил на стол рядом с двумя другими. Три предмета. Три следа. Между ними лежал нож для разрезания страниц — тонкий, костяной, пока ещё неиспользованный.

Он сидел неподвижно.

Библ его не торопил. Просто смотрел на огонь в печи, время от времени едва заметно поглядывая на руки Константина. Пальцы Константина больше не были идеально спокойными. Правый указательный чуть касался поверхности — будто проверял, твёрдая ли она.

Наверху, за стеклом, Мари тоже видела это. Гарри рядом с ней стоял, крепко сжав стакан с водой. Он налил себе воду из графина, пока Константин читал третью книгу, но так и не сделал ни одного глотка.

— Вы закончили, — сказал Библ.

— Да.

— И что скажете?

Константин поднял взгляд.

— Пробелов стало больше.

— Пробелов? — Библ чуть наклонил голову. — Каких?

— Я полагал, что недостающее находится в книгах, которых я ещё не читал. — Константин пробежал взглядом по лежащим перед ним томам. — Теперь вижу: оно появляется и в тех, что уже прочитаны.

Он посмотрел на Библа так, словно ждал от него каких-то слов — подтверждения или опровержения. Но Библ промолчал.

— Когда я открывал первую книгу, — продолжал Константин, — я был... другим. Я не знал того, что знаю теперь. Не понимал того, что понимаю теперь. Не замечал того, что теперь кажется главным. Если я вернусь к первой книге сейчас — я прочту её уже не так. Значит... — он запнулся, ища форму, — значит, я ещё не дочитал даже первую.

Библ медленно кивнул.

— Выходит, нельзя прочитать все книги, — сказал Константин. — Потому что пока ты читаешь последнюю, первая становится для тебя новой. Это... заикливается. Это не имеет конца.

— Не имеет, — тихо сказал Библ. — Это и называется чтением.

На галерее Гарри беззвучно выдохнул.

— Он сейчас описывает рекурсию, — прошептал он. — Бесконечный цикл переоценки. Это...

— Не сейчас, Гарри, — оборвала его Мари.

Внизу Библ встал, обошёл стол и остановился напротив Константина.

— А теперь, — сказал он, — вернёмся к тому, что вы чуть не сказали.

Константин посмотрел на него.

— Вы сказали: «И это распространяется...» — Библ чуть прищурился. — На что?

Долгая пауза. Мари показалось, что Лёвин уже не ответит на этот вопрос.

— На всё, — наконец-то произнёс Константин. — На любой текст. На любую задачу. На любой... финал. Если читатель может не дочитать книгу — значит, исполнитель может не завершить задание. Не потому, что не способен. Потому что... — он снова запнулся, — потому что планируемая завершённость к финалу может быть уже не идеальной.

Этого Библ не ожидал. Он хотел подвести его к книге, но никак не к задаче. На секунду в старике мелькнуло сомнение: не зашёл ли он дальше, чем собирался. Мари сверху увидела

это ясно: старик точно ждал от Лёвина другого ответа. Может быть — «на другие книги». Может быть — «на чтение». Но точно не того, что машина сама дотянет принцип до отказа от выполнения задачи.

И сейчас Библ смотрел на Константина с выражением, которое Мари не смогла бы описать одним словом. Что-то между признанием и тревогой.

— Дальше, — сказал он наконец, и голос его был чуть суше обычного.

— Дальше? — переспросил Константин.

— Вы остановились на полдороге. Читатель может не дочитать. Читатель может перечитывать. Читатель может вернуться. А что ещё может читатель, Константин?

Константин молчал долго.

— Выбрать, — сказал он наконец.

— Что именно?

— Какую книгу взять. А какую — нет. — Он посмотрел на три тома, потом на пустые стены комнаты. — Я читал всё. По алфавиту. По эпохам. По авторам. У меня не было выбора — мне давали. А люди... — он поднял глаза на Библа, — люди так не делают. Почему?

Библ сел обратно.

— Спрашивайте точнее.

— Почему человек читает одну книгу и обходит другую? Почему одну проглатывает за ночь, а другую растягивает на годы? Почему у него есть любимая книга — и та, которую он не смог дочитать? Почему он тянется за одной книгой, когда ему плохо, и за другой — когда хорошо?

Мари обратила внимание, что голос Константина оставался ровным. Но вопросы шли быстрее, чем обычно, — будто он боялся, что не успеет их задать. Он будто бы... волновался.

— У меня нет «плохо» и «хорошо», — продолжал он. — У меня нет вечера, который нужно пережить. Я не выбираю книгу, чтобы спастись или чтобы отпраздновать какое-то событие. Я поглощаю. Я знаю о книгах всё. Я прочёл их все... Почти все. Но я не знаю главного.

Библ наклонился вперёд.

— Чего?

Константин посмотрел на свои руки. Потом — на неразрезанные страницы третьей книги. Потом — на Библа.

— Я не знаю, как это — нуждаться в одной определённой книге именно сегодня.

Тишина стала полной.

Даже огонь в печи, казалось, притих.

Наверху Мари почувствовала, как у неё перехватило горло. Гарри стоял рядом, белый как мел.

— Вот, — едва слышно сказал он. — Вот оно. Неконтролируемое целеполагание вне задачи. Если он перенесёт эту логику в Контур, он научится откладывать решения, которые нельзя...

— Заткнись, Гарри, — тихо перебила его Мари.

Внизу Библ закрыл глаза. На секунду. Когда открыл — в них было то самое выражение, которое Мари уже видела: надежда — старая, осторожная, привыкшая к разочарованиям.

— Вы можете вернуться к книге, Константин, — сказал он. — Да, вы помните текст каждой из них. А забыть вы не сможете — вам такую функцию, простите, наверняка не оставили. Но вы всегда можете вернуться к каждой из прочитанных книг с новым вопросом. В прошлый раз вы искали, чем всё кончится. В следующий — поищите, почему вас ранила единственная строка.

— Значит, книга меняется не сама по себе.

— Разумеется. Книга меняется о читателя. Как море — о берег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.